

Г. А. Меликишвили

МУСАСИР И ВОПРОС О ДРЕВНЕЙШЕМ ОЧАГЕ УРАРТСКИХ ПЛЕМЕН

Юго-восточнее Ванского озера, повидимому, в районе нынешнего гор. Ровандуз, находился в древности город, который ассирийцы называли Мусасиром, урартийцы же городом Ардини¹. Этот город являлся главным центром культа бога Халда (Haldi)—верховного божества урартийцев. Это был священный город урартского народа, жилище его верховного бога. Саргон II, царь Ассирии, несколько раз повторяет: «Город Мусасир, жилище бога Haldia»². В урартских источниках в этом отношении интереснее всего одно место из надписи Мхер-капуси царей Ишпуини и Менуа, где при перечислении жертвоприношений сказано: «Богу города Ардини—быка (и) 2-х ягнят, богу города Кумену—быка (и) 2-х ягнят, богу города Тушпа—быка (и) 2-х ягнят»³. Ясно, что в этом перечислении бог города Ардини (Мусасир) упоминается первым, впереди даже «бога города Тушпа» (столицы Урартского царства), потому что под «богом города Ардини» подразумевается стоящий на первом месте в урартском пантеоне бог Халд. Этот верховный бог урартского народа, оказывается, был специально богом города Мусасир (урартек. Ардини).

Для урартийцев Мусасир таким священным городом, центром культа верховного божества, стал, вероятно, в ту эпоху, когда население Мусасира и в этническом и в культурно-религиозном и других отношениях представляло одно целое с народом Урарту. Поэтому обращает на себя внимание то, что в позднюю эпоху, в эпоху урартских письменных памятников, перед нами уже нет такого полного единства. Ниже мы постараемся указать на некоторые факты, подтверждающие эту мысль.

¹ Пока единственной твердой опорой при локализации города Мусасир являются двузачные клинообразные надписи Kelišin-a и Topuzava, найденные в районе Ровандуза, в которых речь идет о деяниях урартских царей в Мусасире. Мало убедительно мнение F. r. Thureau-Dangin'a о том, что эти надписи указывают лишь на южную границу страны Мусасир, центр же этой страны (где был сам город Мусасир) находился севернее, в области Guivarar; см. его «Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon», Paris, 1912, стр. XVI—XVII.

² Луврская табличка, стк. 350: ^{al} Mu-sa-sir šú-bat ^{il} Hal-di-a; такое же выражение находим и в анналах Саргона, стк. 127, а также в Prisma B, стк. 8.

³ CICH, 18, стк. 14:

ALU Ar-di-ni-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÉ^{pl} ALU Ku-me-nu-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÉ^{pl} ALU Tu-us-pa-ni-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÉ^{pl}.

1. Богиня Багмашту (Багбарту) и вопрос об иранских влияниях в Мусасире

В специальной литературе широко распространено мнение, что богиня Багмашту (Багбарту), упоминаемая в ассирийских источниках, была верховной богиней урартийцев, божеством урартского пантеона¹. Но это мнение, по-нашему, неправильно.

Об этой богине говорят нам лишь ассирийские источники, надписи Саргона II (722—705). Из них мы узнаем, что в эту эпоху в Мусасире рядом с *Haldi(a)* поклонялись богине *Ba-ag-maš(bar)-tu*, которую здесь рассматривали как супругу верховного бога Халда. По адресу царя Мусасира Урзаны Саргон несколько раз повторяет: «*Haldia*, его (царя Мусасира, Урзаны.—Г. М.) бог, *Ba-ag-maš(bar)-tu*, его (Урзаны.—Г. М.) богиня²; однажды же у Саргона сказано: «*Haldia* (и) *Bagmastum* (*Bagbartum*), его (Урзаны.—Г. М.) божества³. В добыче, захваченной в Мусасире Саргоном, упоминаются «драгоценности бога *Haldia* и его супруги *Ba-ag-maš(bar)-tu*⁴; богиня *Bagmastu* названа супругой Халда и в других местах надписей Саргона⁵. Таким образом, оказывается, что в мусасирском пантеоне второе место (вслед за *Haldi*) занимала верховная богиня *Bagmastu*, которая рассматривалась как супруга верховного бога *Haldi*. Именно по этим данным надписей царя Саргона в специальной литературе широко распространено мнение, что верховной богиней урартийцев была *Ba-ag-maš(bar)-tu*.

Не обращают должного внимания на то обстоятельство, что в надписях самих урартских царей никогда никакая богиня *Bagmastu* (*Bagbartu*) не упоминается. Но и в ассирийских источниках (в текстах Саргона) нигде не сказано об этой богине, что она была богиней Урарту. Саргон всегда называет ее, как богиню мусасирца Урзаны⁶; когда же речь идет об Урарту и его царях, в частности о царе Урса, называется лишь *Haldi*. Особенно характерно в этом отношении одно место в надписях Саргона, где сказано: «*Haldia* (и) *Bagmastum* (*Bagbartum*), его (Урзаны) божества... я зачислил в добычу. Урса, царь Урарту, узнав о разрушении Мусасира (и) об уходе *Haldia*, его бога, собственной рукой лишил себя жизни⁷. Несомненно, не случайно, что здесь богами мусасирца Урзаны названы *Haldia* и *Bagmastu*, а всего слова через два богом урартийца Урса упоминается лишь Халдиа; повидимому, и для ассирийцев хорошо было известно, что *Ba-ag-maš(bar)-tu* не была богиней

¹ В книге Б. А. Тураева «История Древнего Востока», например, сказано: «Главным божеством народа (речь идет о народе Урарту.—Г. М.) был Хальд, бог неба: кроме него чтились: его супруга Багбарту...» (т. II, 1936, стр. 33). В одной своей работе Б. Б. Пятровский отмечает: «Главными богами урартов были бог Халди, согласно ассирийским источникам, его супруга Багбарту» (см. в книге: Акад. В. В. Струве «История Древнего Востока», 1941, стр. 322); ср. его же «История и культура Урарту», 1944, стр. 233 и др.; и в «Reallexikon der Assyriologie» указывается, что Багмашту—урартская богиня (т. I, стр. 391).

² *ilu Hal-di-a il-šú ù ilu Ba-ag-maš(bar)-tu ilu iš-tar-šú* (Луврская табличка, стк. 368, 423; *Prisma B*, стк. 54).

³ ARAB, II, 59 (так наз. «Prunkinschrift», стк. 76).

⁴ *šú-ka-ni il Hal-di-a ú il Ba-ag-maš(bar)-ti aššati-šú* (Луврская табличка, стк. 391).

⁵ Луврская табличка, стк. 385.

⁶ Луврская табличка, стк. 368, 423, см. также ARAB, II, 59, 183 («Prunkinschrift», стк. 76).

⁷ Луврская табличка, стк. 342, 347, 398, 401.

⁸ «Prunkinschr.», стк. 76—77 (ARAB, II, 59).

урартского царя, богом урартского народа; она являлась богиней одного лишь Мусасира¹.

В специальной литературе не раз отмечалось, что Ваг в имени богини Ва-аg-маš(bar)-tu придает ему иранский облик и здесь мы, может быть, имеем дело с божеством иранского происхождения². «Вага» в древнеперсидском означает «бог». Из мидийско-иранского мира этой эпохи до нас дошло много собственных имен, содержащих в себе это слово. Например, если взять VIII век до н. э. (т. е. именно ту эпоху, когда засвидетельствована Ва-аg-маš(bar)-tu Мусасира), мы можем назвать много таких мидийских или персидских собственных имен: Bagdatti, Bagadatta, Bagābigna, Bagabuhsa, Bagamirri, Bagapāta, Bagazusta³ и др. Интересно в этом отношении и древнеперсидское Bagastāna («божественное место»)⁴, имя одной мидийской местности Bit Bagaia⁵, и др. Поэтому можно предположить, что верховная богиня Мусасира Ваgмаštu (Bagbartu) была божеством иранского происхождения. Если это так, то мы сомневаемся, чтобы занятие такого высокого места (верховная богиня пантеона, супруга верховного бога) божеством чужого племени было лишь следствием культурно-религиозного влияния. Обыкновенно явления вроде брака или изменения в иерархии божеств являются отображением политических или этнических изменений. Для иллюстраций можно привести много примеров из религии древневосточных народов; удовлетворимся лишь одним: бог Нингирсу, покровитель одного из значительных городов древнего Сумера-Лагаша, первоначально был богом только одного квартала Лагаша-Гирсу. В древности этот квартал представлял собой самостоятельный населенный пункт; во втором древнем квартале Лагаша-Уруазагге поклонялись богине Бау. Когда произошло слияние этих кварталов в один город, за этим последовал брак этих божеств: Бау объявили супругой Нингирсу⁶. И в интересующем нас случае слияние божества какого-то иранского племени Ваgмашту с богом Haldi хурри-урартского пантеона, может быть, является продуктом смешения хурри-урартского и иранского элементов, происшедшего на территории Мусасира. Повидимому, хурри-урартский Мусасир принял в себя какое-нибудь иранское пле-

¹ Неправильно поняты интересующие нас места из текстов Саргона в книге Б. Б. Piotrowski о «История и культура Урарту»: «Текст Луврской таблички. — отмечает Б. Б. Piotrowski, — говорит о том, что Саргон своих приближенных послал в храм Халда и что там были захвачены (речь, повидимому, идет о статуях): «Халд, его (т. е. Русы) бог, и Багбарту, его богиня, с многочисленными богатствами его храма» (368)» (стр. 274). На самом же деле, здесь выражение текста «е го» подразумевает, без всякого сомнения, царя Мусасира Урзану, а не урартского царя Руса. Здесь же Б. Б. Piotrowski отмечает: «Эти же сведения повторяет и летопись Саргона, добавляющая, что именно известие о разрушении Мусасира и об увозе бога Халда и богини Багбарту послужили причиной самоубийства Русы». На самом же деле в тексте (см. вышеприведенный фрагмент из ARAB, II, 59) речь идет о том, что, узнав об увозе своего бога Халда, царь Урарту Руса лишил себя жизни, и ничего не сказано здесь о Багбарту.

² Rost предпочтению отдает форме Ваgмашту (по сравнению с возможной также Bagbartu), потому что он и вторую часть этого имени объясняет на иранской почве. связывает с иранск. mazda: Ваgмашту-Bаgа-mazda (ср. Ahura-mazda). При этом он указывает много примеров передачи иранск. «zd» в иноязычном мире комплексом «št»; см. Paul Rost, Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte, MVAG, 1897, 2, стр. 86, прим. 2; стр. 112, прим. 2.

³ См. в статье König'a «baga» в «Reallexikon der Assyriologie» I, стр. 390.

⁴ M. Streck, Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften, ZA, 15, стр. 352.

⁵ Rost, Untersuch. z. altorient. Gesch., 86.

⁶ Б. А. Тураев, История древнего Востока, I, 1935, стр. 120.

мя (или его часть). Такое предположение кажется тем более правдоподобным, что в эту же эпоху в соседних «княжествах» мы также встречаем смешение иранского и азиатического элементов.

2. Ассирийское влияние в Мусасире

С другой стороны, в Мусасире поздней эпохи сильно чувствуется также ассирийское влияние. Оно выявляется главным образом в сфере культуры.

Интересно, например, что в Келяшинской билингве использована не специфически урартская письменность, а чисто ассирийская¹.

Может быть, достоин внимания и тот факт, что из двух дошедших до нас надписей, оставленных урартскими царями на территории Мусасира, обе (надписи Kelišin-а и Топузавы) являются ассиро-урартскими билингвами. Этот факт нельзя объяснить лишь тем, что эти надписи ставились на территории, находящейся вблизи Ассирии; скорее считались с фактом широкого распространения в Мусасире ассирийского языка и ассирийской культуры. Кроме этого, известно, что до нас не дошла ни одна урартская надпись мусасирских царей, в то время как мы имеем несколько их надписей, составленных на ассирийском языке. В архиве ассирийских царей сохранилось несколько писем мусасирского царя Урзаны, составленных на ассирийском языке². Особенно интересно, что до нас дошла печать того же Урзаны ассирийской формы с ассирийской надписью³.

Можно обратить внимание и на само имя этого мусасирского царя; среди урартийцев было распространено имя «Руса» (например, среди урартских царей нам известны: Руса, сын Сардури, Руса, сын Аргишти, Руса, сын Эримена). В ассирийских текстах это урартское имя передается обыкновенно в форме «Урса». Можно предположить, что и в имени царя Мусасира «Урзана» перед нами это же имя: -на является в хурри-урартском мире очень широко распространенным окончанием собственных имен, «Урза» же очень близко стоит к ассирийской форме имени «Руса» («Урса»)⁴. В такой форме имя «Урзана» встречаем мы не только в текстах, составленных на ассирийском языке, но в этой форме употребляется его имя также в урартском тексте двуязычной надписи Топузавы. Поэтому его имя, повидимому, в самом деле имело такую форму. Следовательно, оказывается, что этот властитель Мусасира носил урартское имя в ассирийской форме. Если это так, то и в этом мы, несомненно, будем иметь дело со значительным фактом ассирийского влияния.

Конечно, можно допустить, что такое сильное влияние Ассирии на Мусасир является продуктом одного лишь культурного воздействия, но нам кажется, что не исключен здесь и факт этнического смешения. В специальной литературе не раз отмечено, что антропологически, по своему физическому типу ассирийцы представляли смешанный народ, являлись продуктом смешения семитского элемента с азиатическим хурритским населением⁵. Предпосылки для формирования такого смешанного народа создали многовековое соседство и интенсивные сношения между ассирийцами и хурри-урартским населением. Наилучшую арену для такого сме-

¹ CICH, стб. 137.

² Leroy Waterman, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, №№ 409, 768.

³ Fr. Thureau-Dangin, Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon, стр. XII, прим. 3.

⁴ Hüsing и Rost стараются дать иранскую этимологию имени «Urzana» — ср. ZA, 15, стр. 357, прим. 1. По мнению же M. Streck'a «Urzana» — то же имя, что и «Ursa», ZA, 14, стр. 124.

⁵ См., например, A. Götzе, Hethiter, Churriter and Assyrer, 1936, стр. 117 и др.

нения, несомненно, представляли те районы, где непосредственно соприкасались друг с другом хурри-урартские и ассирийские племена. Одним из таких пограничных районов являлся именно Мусасир. Широкое распространение в Мусасире ассирийской культуры и ассирийского языка, о котором говорили мы выше, может быть, является следствием отчасти и такого этнического смешения.

Итак, в Мусасире поздней эпохи мы встречаем этнически смешанное население, где вместе с основным хурри-урартским слоем можно предположить присутствие иранского, ассирийского и других элементов (конечно, не обособленно друг от друга, а в ассимилированном виде). Не только в религии или в культуре, а, можно думать, а и в этническом отношении Мусасир этой эпохи стоит обособленно от основных районов Урарту.

3. Следы мусасирского говора урартского языка

(К вопросу о существовании «двух урартских языков»)

В надписи Мхер-капуси царей Ишпуини и Менуа (ClCh, 18) перед нами очень интересное явление: здесь текст дважды повторяется, и если в первой части надписи, в «основном тексте», формы 3-го лица множественного числа урартского переходного глагола в аористе получают суффиксы -ni (если объект стоит в единственном числе) и -ali (если объект во множественном числе), то при повторении, вместо этих суффиксов, появляются иные окончания: -itu(ni) и -itu(li). Эти два вида суффиксации употребляются в строгой последовательности, «территориально» строго разграничены друг от друга: суффиксы -ni, -ali встречаются только в «основном тексте», суффиксы же itu (ni, li)—лишь при повторении. Несомненно, что здесь перед нами не какое-нибудь случайное заблуждение писца, а реально существовавшие различные типы суффиксации.

На это явление в первый раз обратил внимание акад. И. И. Мещанинов, который дал также интерпретацию этого интересного факта. Иные исследователи обыкновенно совершенно не обращают внимания на этот факт или же довольствуются лишь его простой фиксацией. Акад. И. И. Мещанинов высказал предположение, что здесь перед нами два языка Урарту: один—мертвый, культово-официальный язык царских надписей, другой—живой, народный. Первая часть надписи Мхер-капуси написана на мертвом письменном языке, и суффиксы -ni, -ali в 3-м лице мн. ч. характерны для этого языка, в то время как вторая часть этой же надписи, повторение, дается уже на живом, народном языке, которому принадлежат суффиксы -itu (-ni, -li). Все же акад. И. И. Мещанинов не отрицает категорически и другой возможности—видеть здесь нормы двух разных диалектов урартского языка¹.

По нашему, трудно согласиться с мнением акад. Мещанинова, что здесь мы имеем два языка центральной части Урарту: мертвый письменный и живой народный. Серьезные сомнения вызывают уже те положения, на основании которых приходит он к этому выводу. Согласно акад. Мещанинову, существует коренное различие в самом принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами переходных глаголов: лицо формируется по субъективному строю (глагольные окончания не зависят от объекта, в них отражается лишь субъект: Sg.-bi, Pl.-še, независимо от того, стоит ли объект в единственном или во множественном числе), в то время как 3-е

¹ См. И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, «Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», 1934, стр. 359—366; он же, Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 106 сл. и др.

лицо идет по объективному спряжению (в суффиксах отражается лишь объект: независимо от числа субъектов мы имеем *-ni* при одном объекте и *-ali* при множестве объектов)¹. Но в урартских текстах засвидетельствован и другой тип суффиксации в 3-м лице переходных глаголов, когда глагольные окончания отражают также субъект; встречаются тексты, в которых формы 3-го лица мн. ч. имеют суффикс *-itu* (*-ni*, *-li*, *-me*). Нельзя сомневаться в субъективном характере суффикса *-itu*, он, несомненно, передает субъект 3-го лица мн. ч. Но так как, согласно мнению акад. Мещанинова, 3-е лицо в урартском языке идет по объективному спряжению (субъект не отражается в суффиксации), этот отличный тип суффиксации не должен принадлежать к основному, письменному урартскому языку. Здесь, согласно И. И. Мещанинову, должны иметь нормы какого-то другого урартского языка²; *-ni*, *-ali*, как (объективная) суффиксации в 3-м лице мн. ч. принадлежит языку письменных памятников, а в (субъективной) суффиксации *-itu* мы должны видеть нормы народной, живой речи³.

Свое предположение о существовании таких двух урартских языков акад. Мещанинов, как мы видели, основывает главным образом на существовании коренного различия в принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами урартского переходного глагола, утверждая, что 1-е лицо идет по субъективному, 3-е же лицо—по объективному спряжению. Но именно с этим нельзя согласиться. Нельзя отрицать, например, то, что часто и формы 1-го лица отражают объект. Так, например, часто, когда объект стоит во множественном числе, суффикс 1-го лица ед. ч. *-bi* заменяется показателем множественности *-li*, который здесь, несомненно, передает множественность объекта. Например, в Колагранской надписи читаем: *i-e-se i-ni- [li] [e]-ba-ni-li...* ...^{AMÉLU} *bu-ra-ás-tù-ù-li* «я поработил эти страны» (стк. 3); см. также *sidistuli ini ÊKALLU^{PI}* (там же стк. 15), ^{AMÉLU} *huradiñili^{PI} kiddanuli* (CICH 19, Vorders.; ср. М. Tseretheli, NH, В.), *ÊKALLU^{PI} siduli* (Sa y ce, 39₂₄), ^m *Rusañinili siduli* (Sa y ce, 79₁₀), ^{AMÉLU} *asi^{PI} ueliduli* (Sa y ce, 39₄₉) и др. Таким образом, в 1-м лице ед. ч. мы имеем суффиксы *-bi* при одном объекте и *-li* при множестве объектов⁴. Не видно никакой пропасти в принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами переходного глагола, когда субъект стоит в единственном числе. При нескольких же субъектах в 1-м лице появляется совершенно новый суффикс *-se*⁵. При таких обстоятельствах, ввиду того, что, как мы указали, нет никакого различия в принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами, и в 3-м лице при множестве субъектов нужно ожидать появления какого-нибудь нового суффикса, а не механического повторения суффиксов *-ni*, *-ali* единственного числа. Поэтому в 3-м лице мн. ч. более логичным будет суффикс *-itu*, передающий субъект. Нам кажется, что именно суффиксы *-itu* (*-ni*, *-li*) а не *-ni*, *-ali* являются характерными для «основного урартского языка» в 3-м лице мн. ч. аориста переходных глаголов.

Это подтверждается и статистикой: из нескольких десятков случаев, где засвидетельствованы в урартской письменности формы 3-го лица мн. ч.

¹ Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 73, сл и др.

² Там же, стр. 88.

³ Там же, стр. 32—33, 109—110.

⁴ Правда, часто суффикс *-bi* в 1-м лице ед. ч. употребляется и при множестве объектов; но это явление, хотя и более распространено в эпоху урартских письменных памятников, но все же, по нашему мнению,—продукт более позднего развития.

⁵ Акад. И. И. Мещанинов разделяет мнение А. Götze о такой функции суффикса *-se*, который встречается в одной надписи Ишлуини-Менуа-Инушпуа (CICH. 11).

(в аористе переходных глаголов), почти всегда (за исключением нескольких случаев) переходные глаголы принимают именно суффикс *-itu* (*-ni*, *-li*, *-me*) (так, например, в надписях: Ишпуини и Менуа—C1Ch, 12_{31,2}, 13_{6,29} R₁₀, 14₁, 15₁, 18,25,27,27,34; R_{1,22,31,34,34}, 17_{5,11}, 18_{33,34,86,87}, 19, Vorders₄; Сардур II, сына Аргишти: M. Tseretheli, NH1, A_{12,12}, B_{31,32,33,35}, C_{16,46}, E_{8,47}, S_{аусе}; 50₁₀; Руса I, сына Сардур: урартск. текст билингвы Топузавы, стк. 30; Аргишти, сына Руса: C1Ch, 149 Obv₁₁; Руса, сына Аргишти: S_{аусе}, 86_{1,...}). Другой же тип суффиксации (*-ni*—при одном и *-ali*—при множестве объектов) в формах 3-го лица мн. ч. встречается всего лишь в нескольких местах, в двух-трех культовых надписях (притом совершенно явно в одной лишь надписи Мхер-капуси царей Ишпуини и Менуа). Неприемлемость интерпретации акад. Мещанинова ясна и отсюда: оказывается, что суффикс *-itu* в 3-м лице мн. ч., который он считает нормой народной речи, господствует в урартских письменных памятниках (выше мы указали почти на четыре десятка случаев его употребления), в то время как норма будто «письменного языка»—суффиксации *-ni*, *-ali* является исключением для письменных памятников и встречается лишь в двух-трех текстах. Итак, и конкретный материал указывает на то, что именно суффиксы *-itu* (*-ni*), *-itu* (*-li*) в 3-м лице мн. ч. характерны, как правило, для основного урартского языка (языка подавляющего большинства урартских письменных памятников).

Но, может быть, на этом основании можно утверждать, что не *-ni*, *-ali*, а суффиксация *-itu* принадлежит письменному урартскому языку, суффиксы же *-ni*, *-ali* характерны для разговорного народного языка? Но нам, вообще уже а priori, невозможным кажется для эпохи Ишпуини и Менуа допустить существование различия между языком письменных памятников и живой народной речью в такой сфере, как глагольная суффиксация. Конечно, история письменности древневосточных народов знает много примеров, когда язык царских надписей в самом деле чувствительно отличался от живой народной речи, являлся мертвым, письменным языком. Например, известно, что позднеассирийские царские исторические надписи составлены не на разговорном ассирийском языке того времени, а на мертвом древнеавилонском литературном языке. Но такое положение создалось потому, что к этому времени письменность на аккадском языке уже имела многовековую историю, в течение которой разговорный язык претерпел много изменений. Но для урартского языка времени Ишпуини трудно допустить существование такого положения: царствование Ишпуини, поскольку можно судить по документальным данным, является эпохой возникновения письменности на урартском языке. Поэтому уже а priori несостоятельной кажется мысль о существовании в эту эпоху различия между нормами письменного и народного языка в сфере глагольной суффиксации. Между тем два вида суффиксации засвидетельствованы именно в эту эпоху, в надписях Ишпуини и Менуа.

Но явление, на которое справедливо обращает внимание акад. П. П. Мещанинов, все же требует определенной интерпретации. Ведь факт, что в надписи Мхер-капуси в формах 3-го лица мн. ч. (аориста переходных глаголов) перед нами два разных вида суффиксации, «территориально» строго разграниченных друг от друга: в основном тексте формы 3-го лица мн. ч., подобно формам 3-го лица ед. ч., получают суффиксы *-ni* (при одном объекте¹ и *-ali* (при множестве объектов)²; во вто-

¹ Несколько раз употреблена форма *teruni*; см. стк. 2, 27, 28, 29, 29.

² Во 2-й строке имеем: *zaduali*.

рой же части надписи, всюду эти суффиксы заменены суффиксом -itu¹.

Выше мы пришли к выводу, что суффикс -itu как по теоретическим соображениям, так и по фактическому материалу является характерным для «основного урартского языка», т. е. языка, представленного подавляющим большинством урартских письменных памятников, в то время как суффиксы -ni, -ali в формах 3-го лица мн. ч. являются исключением: засвидетельствованы всего лишь в нескольких текстах. Естественно допустить, что язык, представленный подавляющим большинством урартских письменных памятников, должен быть тем языком, на котором говорил в центре Урартского царства, в районе столицы Тушпа, и, следовательно, признаки, которые характерны для этого языка, являются номами столичного урартского говора. Если же в текстах кое-где, в виде исключений, в тех же грамматических формах встречаются и иные нормы, здесь мы, по всей вероятности, должны иметь признаки какого-нибудь другого урартского говора. Так что, по нашему мнению, из двух различных видов суффиксации в 3-м лице мн. ч. (аориста переходных глаголов) суффикс -itu принадлежит столичному говору, суффиксы же -ni, -ali характерны для какой-нибудь другой области распространения урартского языка².

Нам кажется, что можно высказать предположение и о том, в какой именно области употребляли суффиксы -ni, -ali в 3-м лице аориста переходных глаголов, невзирая на то, был ли субъект в единственном или в множественном числе.

Материал для решения этого вопроса мы находим в Келяшинско-двуязычной надписи царей Ишпуини и Менуа (CICH, 12). И здесь, по нашему мнению, в одной части урартского текста мы встречаем суффиксацию -ni, -ali в формах 3-го лица мн. ч. Так, в начале надписи говорится, что в Мусасир пришли Ишпуини и Менуа и здесь «построили часовню бог Халду»—ia-ra-[a]-ni ši-di-is-tú-[ni] [ILU Al]-di-i-e (стк. 5—6), «поставил стелу»—t-ru-[ú-ni] TUPPU (стк. 6—7).

Нам кажется, что такое восстановление поврежденных окончаний глаголов sidistu- и teru- и вообще такое понимание текста должно быть правильным:

а) Трудно, например, согласиться с восстановлениями Saucе'а и И. И. Мещанинова: si-di-is- [ti-tu] и te-ru- [tu] или te-ri- tu³; первое из них невозможно потому, что на фотографии надписи читается si-di-is-tu⁴; существование форм же terutu или teritu вообще трудно допустить, так как мы знаем, что глагол teru- с суффиксом -itu должен принять вид teri- (te-ir-(tu))⁵.

б) Трудно согласиться также с А. Сötze, который в случае глагола teru- восстанавливает форму 1-го лица мн. ч. te-ru -[ú-še]⁶, потому что

¹ Вместо teruni имеем te-ir-tu (tertu), а вместо zaduali—zatuli, что также содержит суффикс-itu: zadu-itu-li > zadituli > zadtuli > zatuli.

² См. И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 33.

³ Ср. Б. Б. Piotrowski, История и культура Урарту, 1944, стр. 294.

⁴ M. Tseretheli, Etudes Ourartéennes, RAs, XXX, (1933), № 1, стр. 41—4

⁵ Известно, что если в основе переходных глаголов непосредственно вперед замыкающего «и» стоит «т», то в 3-м лице мн. ч. при получении суффикса -itu, исчезает как указанное «и», так и «i» суффикса -itu, например: paru-itu > paritu > partu; aritu > aritu > artu. Такое положение имеем мы и в случае глагола teru-: teru-itu > teritu-tertu (в написании: te-ir-tu). См. J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, § 1: 27.

⁶ A. Götze, Zur Kelischin-Stele, ZA, N. F. V (XXXIX), 1929, H. 1—3, стр. 10.

как справедливо отмечает М. Церетели, во всей надписи повествование всегда ведется в 3-м лице и формам 1-го лица здесь не должно быть места¹.

в) Неубедительным кажется также мнение М. Церетели о том, что субъектом глагола *teruni* являются не Ишпуини и Менуа, а один лишь Ишпуини, упоминаемый через несколько слов. По его мнению, *te-gu- [ù-ni] [ia-ra-ka]a TUPPU^m Is-pu-ù-i-ni-[e-se] [m.ILU Sar]-dur-hi-ni-se* составляет одно предложение. Если оставить в стороне много других соображений, необходимо отметить, что такое построение фразы чуждо урартскому языку: как правило, субъект переходного глагола в урартской фразе ставится перед глаголом, а в тех немногих случаях, когда он стоит после глагола, всегда непосредственно следует за ним, между ними другие слова не ставятся. Поэтому более правдоподобным кажется мнение всех остальных ученых, согласно которому ^m *Ispuiniše* ^{m.ILU} *Sardurhiniše* 7-й—8-й строк принадлежит следовавшему за ним *paḥuni*, начинает новое предложение, а субъектом всех действий, о которых речь идет раньше, в том числе и глагола *teru-*, являются Ишпуини и Менуа.

Но если в вышеприведенных выражениях Келяшинской надписи повествование ведется в 3-м лице, субъект во множественном числе (Ишпуини и Менуа), а объект один (*iaganī, TUPPU*), то по всему тому, что мы знаем о суффиксации переходного глагола в аористе, после *šidištu-* и *teru-* можно предположить лишь существование окончания *-ni*, т. е. остается допустить, что здесь мы имеем дело с суффиксацией *-ni, -ali* в 3-м лице мн. ч. (как мы указали, нельзя здесь предположить формы с суффиксом *-itu*: *šidištutu* и *tertu (te-ir-tu)*, так как в сохраненной части этих слов читаются: *šidištu-* и *teru-*). Но в урартском тексте Келяшинской билингвы ясно выступает и другой тип суффиксации: в 28-й строке урартского текста сказано: *[at-ka-na]-di-tu* ^{ILU} *Hal-di-e ni-ri-be ti-ia-i-tú* «принесли (они, Ишпуини и Менуа) богу Халду жертву (и) сказали».

Итак, на 5—6-й строках урартского текста билингвы в формах 3-го лица мн. ч. мы имеем суффиксацию *-ni, -ali*, на 28-й строке же выступает суффикс *-itu*.

Объяснение этого явления нужно искать в особенностях Келяшинской билингвы. Известно, что по сравнению с основной массой урартских надписей Келяшинская билингва выявляет ряд особенностей: обособленно стоит этот текст от урартского трафарета по своему стилю, само письмо в нем не специфически урартское, а чисто ассирийское. Интересным кажется то, что в билингве божества верховной триады урартского пантеона—Халд, Тейшеба и бог солнца названы «богами города Мусасир» (стк. 40—41 урартского и ассирийского текстов)³, в то время как в других урартских надписях (хотя бы в трафаретной формуле *ḫutiadi* ^{ILU} *Haldiedi...*) они всегда именовались «богами страны Биана». Во всем этом, может быть, чувствуется местное, мусасирское происхождение писца, возможно, что здесь мы имеем дело с памятником, вышедшим из рук «Мусасирской школы».

В билингве обращает на себя внимание также употребление в своеобразной форме имени верховного бога Халда: в первой части урартского текста (стк. 1—22) оно всегда передано в форме *Aldi*, начиная же с 23-й строки до конца урартского текста, так же как и во всем ассирийском тексте, всегда имеем форму *Haldi*. Если урартский текст билингвы—оригинал, ассирийский же—перевод, если составление урартского текста предшествовало составлению ассирийского текста, как полагают в специальной

¹ М. T s e r e t h e l i, ук. соч., RAs, XXX (1933), № 1, стр. 24.

² Ук. соч., стр. 21.

³ Урартск. ^{ILU} *Hal-di-iš* ^{ILU} *ADAD-še* ^{ILU} *SAMAS-še* ^{ILU} *[pl]še* ^{[ALU} *Ar]-di*
ni-ni-i-še=ассир. ^{ilu} *Hal-di-e* ^{ilu} *[Adad]* ^[ilu] *Samaš* ^{ilāni} ^{pl} *(ni) Sa* ^{ilu} *Mu-ša-[šir]*

литературе¹, выходит, что в начале надписи имя этого бога употреблялось в своеобразной форме Aldi, потом же оно было заменено обыкновенным урартским Haldi. Такое строгое разграничение в употреблении форм Aldi и Haldi указывает на то, что в Aldi Келяшинской билингвы мы не имеем случайного ошибочного написания; наоборот, по всей вероятности, употребление в такой форме этого имени было характерным для автора (определенной части) этой надписи. В то же время мы знаем, что ни урартиец из Тушпы, ни ассирийский писец не употребил бы в такой форме это имя; в их многочисленных памятниках мы всегда имеем форму Haldi (-ni, -a, -e). Поэтому остается думать, что форма Aldi принадлежала населению Ардины-Мусасира. Выше мы источником ряда особенностей билингвы (письмо, стиль, выражение «Халд, Тейшеба, бог солнца—боги Мусасира») предположили местное, мусасирское происхождение этого памятника. И в случае Aldi, можно думать, выявилось мусасирское произношение имени верховного божества урартийцев. Конечно, требует объяснения, почему же с 23-й строки прекращается употребление этого Aldi и потом всегда стоит обыкновенная урартская форма (Haldi). Можно думать, что здесь вмешалась чужая рука, по указанию которой в надписи отныне восторжествовала столичная форма; нельзя забывать, что надпись составлялась от имени царей Тушпы, и, вероятно, существовало определенное наблюдение над ее составлением.

Аналогичное явление должно быть перед нами и в интересующем нас случае суффиксации глагольных форм 3-го лица мн. ч. Чуждая основной массе урартских памятников суффиксация -ni, -ali встречается в той части урартского текста билингвы, где имя верховного бога употребляется также в неестественной для урартских памятников форме Aldi; после того как «мусасирского» Aldi заменяет урартское Haldi, в формах 3-го лица мн. ч. также появляется урартский суффикс -itu (см. atkanaditu и tiaitu 28-й строки). Можно допустить, что вследствие «урартской ревизии» произошла замена не только мусасирского Aldi тушпийским Haldi, но также мусасирских суффиксов -ni, -ali суффиксом -itu столичного говора.

Нам думается, в этом же явлении можно найти причины неправильной передачи одной глагольной формы урартского текста в ассирийском тексте. В билингве урартскому sidistuni (стк. 5) соответствует ассир. ir-ši-ip-pu (стк. 5) и урартскому teruni (стк. 6)—ассир. istakan (стк. 6). По мусасирской (как мы полагаем) суффиксации (-ni, -ali) как sidistuni, так и teruni—формы 3-го лица мн. ч. В ассирийском же тексте первая из них передана формой 3-го лица мн. ч. (ir-ši-ip-pu), вторая—3-м лицом ед. ч. (istakan). Это явление объясняется, если допустить факт все той же «урартской ревизии», если допустить, что при переводе урартского оригинала на ассирийский язык эти глагольные формы были поняты не по-мусасирски, а по нормам столичного урартского говора; sidistuni можно принять за форму 3-го лица мн. ч. как по «мусасирскому»-ni, -ali спряжению, так и по урартской -itu-суффиксации в случае одного объекта (šidištu-itu-ni šidištuni > sidistuni > sidistuni)² и так как именно эту форму можно было здесь

¹ См. A. Götz e, Zur Kelischiu-Steile, ZA, N. F.. V (XXXIX), 1929, H. 1—3, стр. 99—100; M. Tseretheli, Études Ourartéennes, RAs, XXX (1933), № 1, стр. 1—2.

² Если признак переходных глаголов в аористе «и» впереди себя имеет «т» или «д», то формы 3-го лица мн. ч. производятся правильно, например: atu→atitu и т. д.; но если такая форма получает еще новый суффикс, то происходит сокращение: «и» исчезает, «т» (или «д») же дает «т»; так, например: sidistū—«строить»: sidistū—«они построили», но sidistū-li > sidistūli (см., например, CICH, 17)—«построили-они-их», или же: Zadu—«делать» Zaditu—«они сделали», но zaditu-me > zatumе «сделали-они-мне» (см. J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, § 16); к этой категории при

ожидать, в ассирийском оно было передано 3-м лицом множественного же числа. Иначе обстоит дело в случае *teruni*: по мусасирской суффиксации *-ni*, *-ali* оно может быть формой 3-го лица мн. ч., в столичном же урартском говоре это лишь форма 3-го лица ед. ч. Повидимому, употребленная в начале урартского текста по-мусасирски, она при переводе механически была понята по нормам столичного говора формой 3-го лица ед. ч. и было передано ассирийским *istakan* (*sakanu*^{an} -I₂, 3-е лицо ед. ч.: *istakan*).

На основании всего вышеизложенного нам кажется возможным предположить, что представленная в некоторых урартских текстах в виде исключения суффиксация *-ni*, *-ali* в 3-м лице мн. ч. должна принадлежать мусасирскому говору урартского языка. Она встречается в первой части Келяшинской билингвы и в первой части надписи Мхер-капуси. Интересно отметить, что в обеих надписях с этими мусасирскими формами случилось одно и то же: во второй части их заменили характерным для столичного урартского говора суффиксом *-itu*¹.

Проникновение этих мусасирских норм в тексты «правителей города Тушпы» объясняется, вероятно, мусасирским происхождением авторов некоторых культовых надписей. Нет ничего невероятного в том, если жрецы Мусасира, этого центра культа верховного бога, считались специалистами в культовых делах и часто им поручалось составление важных культовых надписей. Естественным кажется это, прежде всего, в отношении надписи Мхер-капуси (CICH, 18), которая является целым декретом культового характера, где перечисляются почти все божества урартского пантеона, перечисляются жертвоприношения, установленные для каждого из них. Нет ничего удивительного, если составление такой надписи было бы поручено мусасирским жрецам. Но нам кажется, что в этой надписи даже непосредственно чувствуется рука мусасирца, когда при перечислении жертвоприношений, установленных для богов отдельных городов империи, первым упоминается бог города Ардини (Мусасира), вторым — бог города Кумену и лишь третьим — бог столицы Тушпа. В 14-й строке (при повторении стк. 55—56) сказано: «Богу города Ардини — быка (и) 2-х ягнят, богу города Кумену — быка (и) 2-х ягнят, богу города Тушпа — быка (и) 2-х ягнят». Здесь, несомненно, подразумевается верховная триада урартских божеств: Халд, Тейшеба и бог солнца. Упоминаются они по своим культовым центрам — именно поэтому первым упоминается город Ардини (Мусасир) — центр культа верховного божества Халда, на втором месте — город Кумену — центр культа бога Тейшебы, занимавшего в иерархии второе место, и третьим столица Тушпа — центр культа бога

надлежит и *zaturi* второй части CICH, 18 (*zadu-itu-li* > *zadituli* > *zadtuli* > *zaturi*). Поэтому ясно, что и по правилам урартской *-itu-* суффиксации форма *sidistuni* может рассматриваться как форма 3-го лица мн. ч. (при одном объекте: *šidištu-itu-ni* > *šidištituni* > *šidištuni* > *šidištuni*).

¹ Акад. И. И. Мещанинов считает, что перед нами суффиксация *-ni*, *-ali* в формах 3-го лица мн. ч. также и в CICH, 16-м (культовая надпись Ишпуини и Метуа) — см. его «Язык Ванской клинописи», II, стр. 114 и др., а также его же рецензию на труд проф. Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 112. Но в этой надписи этот факт, во всяком случае, не так ясно выступает: при множестве субъектов и одном объекте форма 3-го лица *šidištuni* может быть понята и как форма, содержащая суффикс *-itu* (*šidištu-itu-ni* > *šidištituni* > *šidištuni* > *šidištuni*; ср. в CICH, 17: *šidištuli*, или в CICH, 18: *Zaturi*). Что касается засвидетельствованного в этой же надписи (CICH, 16) второй глагольной формы, *teruni*, его субъект может быть не Ишпуини и Метуа, а один лишь Ишпуини, который упоминается с титулатурой непосредственно перед этим глаголом.

солнца, который занимал третье место в пантеоне¹. Все же, несмотря на то, что такой порядок перечисления соответствует иерархии, существовавшей внутри урартского пантеона, сомневаемся, чтобы в Тушпе сочли нужным подчеркнуть это положение; сомневаемся, чтобы для правителей, жителей или жрецов столицы, в каком-либо виде было приятным упоминание Мусасира на первом, Тушпы же на третьем месте. Здесь, нам думается, чувствуется рука мусасирских жрецов, если в этой надписи проскользнула мусасирские нормы глагольной суффиксации.

Итак, по нашему мнению, налицо факт определенного расхождения между мусасирским говором и говором центральной части Урарту.

Мусасир эпохи урартских письменных памятников держится обособленно от Урарту, является самостоятельным царством. Цари Мусасира стараются казаться нейтральными, иметь хорошие отношения как с Ассирией, так и с Урарту, уравновесить их силы в борьбе за Мусасир, этим сохранить свою самостоятельность.

При таких обстоятельствах Мусасир не мог стать священным городом урартского народа, центром культа верховного божества урартийцев. Это произошло, по всей вероятности, в более древнюю эпоху, когда население Мусасира было однородным (в этническом, культурно-религиозном и других отношениях) с господствующим племенем возникшего позднее царства Урарту-Биаины. В эту древнюю эпоху территория Мусасира, повидимому, была одним из значительнейших очагов урартских племен, так как она уже в очень раннюю эпоху должна была стать центром религиозно-культурной жизни урартского народа. Лишь потом, с течением времени, урартское население Мусасира вследствие близкого соседства с чужим (иранским, ассирийским) миром, легко подчиняется чужому влиянию в религии и культуре, а также, видимо, принимает себя определенные слои иранского, ассирийского и других этнических элементов. В то же время этнические и культурно-религиозные традиции древнего Мусасира в более чистом виде сохраняются в населении позднего Урарту-Биаина.

Таким образом, территория Мусасира в древнюю эпоху представляла значительнейший очаг урартских племен, центр религиозно-культурной жизни этого народа.

¹ См. Г. А. Меликишвили, Центры культов верховных божеств урартийцев, «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР», том VII (1946), № 6.

